

Стратегический обзор

2025

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА
РАН, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК А. Г. АРБАТОВА

Национальный исследовательский
институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е. М. Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН)

Московский государственный
институт международных
отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации (МГИМО
МИД России)

Москва
Издательский
дом МГИМО
2026

УДК 327
ББК 66.4(0)
С83

приоритет2030[^]

лидерами становятся

Издание подготовлено при поддержке
Программы развития МГИМО
«Приоритет-2030»

The publication was supported by MGIMO
University "Priority-2030" programme

Рекомендовано к опубликованию НИС
Ученого совета ИМЭМО РАН

Recommended for publication by
the IMEMO Academic Council

Рецензенты:

О. О. Криволапов,
кандидат политических наук
Э. Г. Соловьев,
кандидат политических наук

Reviewers:

O. O. Krivolapov,
Cand. of Sciences (Politics)
E. G. Solovyev,
Cand. of Sciences (Politics)

Авторский коллектив:

К. В. Богданов, Е. И. Добрева, А. С. Ермаков,
А. В. Загорский, С. М. Иванов,
А. В. Куприянов, А. И. Никитин, С. К. Озноб-
ищев, Н. П. Ромашкина, Д. В. Стефанович,
Н. Ю. Сурков

Authors:

K. V. Bogdanov, E. I. Dobрева, A. S. Ermakov,
A. V. Zagorsky, S. M. Ivanov, A. V. Kupri-
yanov, A. I. Nikitin, S. K. Oznobishchev,
N. P. Romashkina, D. V. Stefanovich,
N. Yu. Surkov

С83

Стратегический обзор 2025 /отв. ред. —
А. Г. Арбатов ; ИМЭМО РАН ; МГИМО МИД
России. — Москва : Издательский дом
МГИМО, 2026. — 362[2] с. — Текст рус.,
англ.

Strategic Review 2025 /ed. by Alexei
Arbatov ; IMEMO ; MGIMO University. —
Moscow : MGIMO University Publishing
House, 2026. — 362[2] p. — Text in
Russian and English.

ISBN 978-5-9228-3129-1

ISBN 978-5-9228-3129-1

УДК 327
ББК 66.4(0)

Выпуск регулярного издания «Стратегический обзор» посвящен анализу наиболее острых и актуальных проблем международной безопасности, стоявших перед мировым сообществом в 2025 г. Авторами изучена эскалация Украинского кризиса и его переговорная динамика, влияние прихода новой администрации в США на европейскую политику безопасности, а также зарождающееся многомерное противостояние США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подробно рассмотрены состояние и перспективы проекта ПРО США «Золотой купол», а также перспективы применения искусственного интеллекта в военном деле. Региональный блок издания посвящен военно-стратегическим аспектам индо-пакистанской конфронтации, развитию конфликтов на Ближнем Востоке, а также анализу политики безопасности Ирана.

The issue of Strategic Review regular publication is devoted to the analysis of the most pressing and relevant international security issues facing the global community in 2025. The authors examine the escalation of the Ukrainian crisis and its negotiation dynamics, the impact of the new U.S. administration on European security policy, and the emerging multidimensional confrontation between the U.S. and China in the Asia-Pacific region. The state and prospects of the U.S. Golden Dome missile defense project, as well as the prospects for the use of artificial intelligence in military affairs, are examined in detail. The regional section of the publication is devoted to the military-strategic aspects of the Indo-Pakistani confrontation, the development of conflicts in the Middle East, and an analysis of Iranian security policy.

ISBN 978-5-9228-3129-1
DOI 10.63861/3129-1

ISBN 978-5-9228-3129-1
DOI 10.63861/3129-1

© ИМЭМО РАН, 2026
© МГИМО МИД России, 2026

© 2026, IMEMO
© 2026, MGIMO University

Содержание

Table of Contents

7	Предисловие	189	Introduction
17	Украинский кризис в 2025 году: динамика и перспективы урегулирования. Константин Богданов	199	The Ukrainian Crisis in 2025: Dynamics and Prospects for Resolving. Konstantin Bogdanov
33	Европейская безопасность: эффект Трампа. Андрей Загорский, Сергей Ознобищев	215	European Security: The Trump Effect. Andrey Zagorsky, Sergey Oznobishchev
65	Новый проект противоракетной обороны США. Александр Ермаков	245	New U.S. Missile Defense Project. Alexander Ermakov
77	Искусственный интеллект в военном деле. Наталия Ромашкина, Дмитрий Стефанович	257	Artificial Intelligence in Military Affairs. Natalia Romashkina, Dmitry Stefanovich
95	Противостояние США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Александр Никитин	273	U.S.-China Confrontation in Asia-Pacific. Alexander Nikitin
123	Индия и Пакистан: ядерный тупик и перспективы его преодоления. Алексей Куприянов	299	India and Pakistan: Nuclear Stalemate and Prospects for Its Overcoming. Alexey Kupriyanov
141	Взрывоопасный Ближневосточный регион. Станислав Иванов	315	Volatile Middle East Region. Stanislav Ivanov
165	Региональная безопасность в восприятии Тегерана. Евдокия Добрева, Николай Сурков	337	Regional Security as Perceived by Tehran. Evdokia Dobрева, Nikolay Surkov
183	Заключение	353	Conclusion
359	Об авторах	359	Authors

Предисловие

«Стратегический обзор 2025» — это третий выпуск ежегодного издания, которое является совместным проектом Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) и Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России).

В настоящем коллективном труде представлен анализ главных событий и процессов в области международной безопасности. К сожалению, приходится констатировать, что на момент завершения работы над третьим изданием «Обзора» прежние конфликты продолжались, возникали новые кризисы, а система стратегической стабильности оставалась в неустойчивом состоянии.

На протяжении многих лет США игнорировали предложения Москвы о взаимном моратории на развертывание ракет средней дальности наземного базирования, выдвинутое после денонсации Договора 1987 г. о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) первой администрацией Трампа в 2019 г. Подготовка к развертыванию таких американских систем в Германии и на Филиппинах, их временное размещение там под предлогом учений не застали Россию врасплох. Еще в ноябре 2024 г. она произвела боевое испытание новейшей баллистической ракеты средней дальности «Орешник» в неядерном оснащении, применив ее для удара по украинскому ракетному заводу «Южмаш». Но

в конце концов терпение Москвы закончилось, и в августе 2025 г. она отказалась от «сохранения одностороннего моратория на развертывание аналогичных вооружений» и начала подготовку решений «по конкретным параметрам мер реагирования»¹. В ходе совместных военных учений России и Белоруссии «Запад 2025» в сентябре 2025 г. отрабатывалось применение нестратегического ядерного оружия. Идет подготовка размещения в Белоруссии российских ракет средней дальности «Орешник» в дополнение к тактическому ядерному оружию, развернутому там ранее.

Взаимное размещение в Европе Россией и США ракет средней дальности вернет мир к ситуации до 1987 г., когда такие средства с коротким подлетным временем создавали для СССР угрозу удара по центрам принятия решений и моментальной ядерной эскалации любого вооруженного конфликта Варшавского Договора и НАТО. Теперь ситуация может быть намного хуже — с учетом новых геостратегических реалий и текущего военного конфликта на Украине и вокруг нее.

Ныне три главных столпа системы контроля над вооружениями находятся под угрозой. Во-первых, продленный срок действия Договора СНВ-3 истекает 5 февраля 2026 г. В сентябре Москва предприняла попытку сохранить договор, но результат этой инициативы зависит от дальнейшей линии Вашингтона и согласования сторонами ряда деталей.

Во-вторых, внутри США и России есть настроения в пользу отказа от Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Неожиданное заявление Дональда Трампа о «возобновлении ядерных испытаний» от 30 октября может еще больше подорвать этот договор.

В-третьих, падение этих двух центральных опор системы контроля над вооружениями достаточно скоро развалит Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Едва ли можно сомне-

1 Заявление МИД России по вопросу о моратории на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования // МИД России, 04.08.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2039749/.

ваться, что вслед за этим упадут и оставшиеся элементы «домино»: договоры о неразмещении оружия массового уничтожения в космосе и на дне морей и океанов, безъядерные зоны на многих континентах, конвенция о физической защите ядерных материалов, а возможно и конвенции о запрещении химического и биологического оружия.

Вместе с тем, можно констатировать, что события 2025 г. отличались большей динамикой, чем в предыдущем году. Заметные перемены в международное положение внесла политика новой администрации США под руководством президента Д. Трампа. В частности, возобновился прямой диалог высокого уровня между США и Россией. Одновременно заметно осложнились отношения Вашингтона с союзниками по НАТО и на Тихом океане, а также с КНР, Индией и другими странами.

Вторая администрация Трампа, в отличие от демократических предшественников, сделала попытку способствовать мирному урегулированию украинского конфликта, отказалась от цели нанести «стратегическое поражение» России и проявила стремление к нормализации с ней дипломатических, экономических и политических отношений. Несмотря на украинский конфликт, вернувшись в Белый дом, Трамп стал высказываться в пользу ядерного разоружения: «Мы бы хотели достичь денуклеаризации... Говорю вам, президенту Путину реально понравилась идея сократить ядерные [вооружения]... У нас была хорошая беседа с Китаем. Они бы присоединились, и это стало бы прекрасной штукой для мира»². Позднее Трамп уточнил свою позицию и вспомнил про ДСНВ-3: «У нас есть ограничения, и у них есть ограничения, как вы знаете, в ядерной сфере... Когда вы убираете ядерные ограничения, это большая проблема»³.

2 President Trump Gives Virtual Remarks to World Economic Forum // The White House, 23.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-trump-gives-virtual-remarks-to-world-economic-forum/>.

3 Трамп: США намерены обсуждать с Россией перспективы ядерного разоружения // ТАСС, 25.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24613527>.

Конечно, нескладные экспромты Трампа на ядерную тему, шатание из одной крайности в другую не внушают оптимизма. Как и было предсказано в «Стратегическом обзоре 2024», приход в Белый дом импульсивного и склонного к деструктивным шагам президента на какое-то время заставил притихнуть зарубежных любителей игры в «ядерное устрашение». Очередной сюрприз был преподнесен новым президентом в августе 2025 г., когда, рассердившись на некоторые высказывания российских деятелей (опубликованные в личном качестве), Трамп заявил, что приказал двум атомным подводным лодкам США выдвинуться «в определенные районы» с целью противостояния «российской угрозе»⁴. Наверное, президенту не сообщили, что как минимум 6–7 стратегических ракетных подводных лодок США постоянно находятся на боевом дежурстве в океане (как и часть российских подводных ракетносцев). Там они скрытно курсируют в пределах досягаемости своих ракет до назначенных целей, им никуда не надо выдвигаться для нанесения удара и тем более запрещено каким-либо образом обнаруживать себя, чтобы кому-то «противостоять». Тем не менее, в конце сентября на встрече с генералитетом Трамп с гордостью напомнил о своем твердом приказе «выдвинуть одну или две подводные лодки к берегам России»⁵ (так сказать, кто их считает?).

В первой главе настоящего «Обзора» анализируется развитие событий, связанных с главным современным кризисом международной безопасности, имеющим место на Украине и вокруг нее. После вытеснения украинских войск из Курской области в течение года российское продвижение по всему фронту носило медленный, но неуклонный характер. Усугублялись проблемы

4 Stewart P., Landay J., Jones R. Trump Orders Nuclear Submarines Moved after Russian “Provocative Statements” // Reuters, 02.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/trump-orders-nuclear-submarines-moved-after-russian-provocative-statements-2025-08-02/>.

5 Snider M. “Two N-words” Video Shows Trump Refer to Racial Slur in Discussing Nuclear Threat // USA Today, 01.10.2025. URL: <https://eu.usatoday.com/story/news/nation/2025/09/30/trump-n-word-nuclear-threat-video/86437657007/>.

Вооруженных сил Украины, основной из которых была нехватка личного состава сухопутных войск на ключевых направлениях и средств обороны от беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и ракет. Обе стороны проводили массированные атаки с применением беспилотников и других средств вглубь территории друг друга. В июне Украина осуществила в российском тылу масштабный удар по базам российской дальней авиации.

Тем не менее, между сторонами состоялось несколько раундов переговоров о мирном урегулировании. Регулярными и все более масштабными становились обмены пленными и телами погибших военнослужащих. Однако первые успехи, достигнутые в контактах сторон в этом году, носили весьма ограниченный характер.

2025 год принес определенное улучшение шансов на восстановление прагматического диалога России и Западом по вопросам безопасности. В этом смысле наиболее заметным событием стали переговоры лидеров России и США на Аляске 15 августа. По их итогам американские официальные круги, весной активно продвигавшие идею прекращения огня как условия начала мирного процесса, восприняли концепцию начала переговоров сразу о всеобъемлющем соглашении об урегулировании конфликта. Этот момент можно считать тактической победой Москвы в политико-дипломатическом взаимодействии с США.

Президент Трамп изначально считал возможным легко разрешить украинский кризис своим политическим напором и давлением на обе стороны. Однако первые шаги по восстановлению российско-американских контактов показали Вашингтону всю сложность украинской проблематики. Эволюция позиции администрации говорит о том, что этот факт начинает осознаваться за океаном, и этим объясняются флуктуации в риторике и практической политике США, в частности, после выступления Трампа в ООН 23 сентября.

С другой стороны, эти же контакты свидетельствуют, что при смене идеологической парадигмы относительно легко восстановить саму инфраструктуру диалога, пребывавшего в забвении с первых дней боевых действий 2022 г., и начать выработать практические варианты пакетного размена уступок для завершения военной фазы украинского кризиса. По сути, несмотря

на ожесточенный характер боевых действий на фронтах, они ведутся теперь за обеспечение тех или иных условий мирного урегулирования (например, выдвинутых президентом В. Путиным в июне 2024 г. и вновь упомянутых им в августе 2025 г.). На какое-то время казалось, что угроза ядерной эскалации конфликта отошла на задний план, но с конца сентября она вновь возросла — прежде всего, из-за расширения глубоких атак БПЛА и ракетных ударов противоборствующих сторон.

Вторая глава «Стратегического обзора 2025» посвящена проблематике европейской безопасности, в которой украинской конфликт тоже занимает центральное место. Возвращение Трампа в Белый дом усилило сомнения европейских стран в надежности американских гарантий безопасности. На июньском саммите альянса в 2025 г. европейские страны согласились существенно повысить свои оборонные расходы и взять на себя большее бремя поддержки Украины. Однако, помимо украинского кризиса, напряженность трансатлантических отношений усиливалась ввиду продолжающегося разворота американской внешней и военной политики в направлении Азиатско-Тихоокеанского (Индо-Тихоокеанского в американской терминологии) региона.

В 2025 г. в европейских странах укрепилось мнение о необходимости снизить зависимость от США в сфере обороны и безопасности. Большой размах набрала дискуссия о «европеизации» НАТО, формировании «европейской стратегической автономии» и собственного потенциала ядерного «сдерживания России». Поэтому растущую роль в стимулировании гонки вооружений на континенте играет Европейский союз (ЕС), хотя и не претендует на создание альтернативной НАТО организации коллективной обороны. На этом фоне задача формирования новой общеевропейской архитектуры безопасности, включающей Россию, не рассматривается в европейских столицах как перспективный проект в обозримом будущем.

В третьей главе рассматривается актуальная тема года — провозглашенный Трампом проект глобальной многоэшелонной системы противоракетной обороны (ПРО), названный «Золотой купол». Примечательно, что Трамп несколько раз охарактеризовал

«Купол» как «интегрированную, многоуровневую систему обороны от всех видов угроз, включая БПЛА». Предполагается широкое внедрение элементов искусственного интеллекта в систему управления и развертывание на орбите множества перехватчиков.

Пока складывается впечатление, что, по аналогии с системой «Звездных войн» (СОИ) Рональда Рейгана, бюджетные и технические проблемы повлекут замедление и свертывание программы. Преемники Трампа, вполне вероятно, будут видоизменять эту инициативу или существенно ограничат ее, как неоднократно случалось с программой ПРО за последние десятилетия. Тем не менее, «Золотой купол», как отмечают авторы «Обзора», на ближайшие годы станет важнейшим фактором в американо-российском, американо-китайском и мировом стратегическом ландшафте, будет определять направления военного строительства целого ряда стран и возможную повестку переговоров об ограничении стратегических и космических вооружений.

Четвертая глава сфокусирована на другом передовом направлении развития технологий, революционно меняющих облик войны. Речь о внедрении систем с искусственным интеллектом (ИИ). В еще большей степени, чем другие прорывные технологии, ИИ может способствовать или укреплению стратегической стабильности, или, наоборот, ее расшатыванию. Очевидно, что технологии ИИ не поддаются традиционным методам контроля над вооружениями. Однако эти технологии могут стать предметом межгосударственного диалога для обеспечения более четкого взаимного понимания принципов и границ внедрения ИИ в системы управления стратегическими ядерными силами с целью предотвращения неуправляемой эскалации возможных конфликтов.

В пятой главе анализируются проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там столкновение планов и амбиций США и КНР не сочетается с их экономической взаимозависимостью. Однако оно обостряется на протяжении последнего десятилетия — прежде всего, в силу наступательной позиции Вашингтона. Сложилось многослойное противостояние, в котором основную роль играют тарифные войны и санкционная политика в экономике и финансах.

Наряду с этим, за последние годы Китай последовательно наращивал боевой состав своей стратегической ядерной триады и развертываемых ракет средней дальности, включая средства двойного назначения. Это побудило зарубежных экспертов поставить под сомнение китайскую традиционную ядерную доктрину, основанную на принципах неприменения ядерного оружия первыми и поддержания минимально достаточного уровня ядерного сдерживания. В США уже общепринято считать, что КНР планирует достичь, как минимум, стратегического паритета с Соединенными Штатами. Это служит обоснованием как новой американской политики ядерного сдерживания, направленной одновременно против Китая и России, так и плана возрождения программы глобальной эшелонированной системы ПРО. Противостояние США и КНР в конфликтных ситуациях вокруг Тайваня, Корейского полуострова и в Южно-Китайском море латентно поддерживает угрозу военного столкновения двух гигантов, которое может быстро эскалировать на ядерный уровень и принять глобальный масштаб.

Шестая глава посвящена второму срезу противостояния ядерных государств в Азии — отношениям Индии и Пакистана, которые одновременно испытали ядерное оружие в 1998 г. Ныне Пакистан в своей ядерной доктрине делает упор на первое применение ядерного оружия в случае вторжения превосходящих индийских сил общего назначения, для чего ставит акцент на ядерные средства малой дальности. Ядерная доктрина Индии основана на концепции неприменения ядерного оружия первой и ориентируется на ответный ядерный удар по Пакистану. Однако в свете пакистанской ядерной доктрины Индия допускает применение ядерного оружия тактической и средней дальности в ответ на ядерный удар по индийским силам общего назначения не только на своей, но и на чужой территории.

Одновременно ядерная доктрина Индии направлена на сдерживание потенциалом ответного удара превосходящих ядерных сил КНР, для чего большие капиталовложения делаются в системы большой дальности, наземно-мобильные и морские ракетные системы.

В апреле–мае 2025 г. между Индией и Пакистаном произошел относительно крупный вооруженный конфликт, в ходе которого применялись ракетные удары и использовалась боевая авиация и индийский авианосец. Этот конфликт знаменателен тем, что де-факто ядерные державы около двух недель вели активные военные действия. К счастью, их удалось быстро прекратить. Но, учитывая сложное переплетение ядерных доктрин сторон и планов применения их обычных и ядерных сил, а также нерешенность застарелых противоречий, нет никаких гарантий, что в следующий раз подобный конфликт не перейдет «ядерный порог» и не повлечет катастрофу для Южной Азии с глобальными последствиями.

В седьмой главе «Обзора» рассмотрены события 2025 года на Ближнем и Среднем Востоке. Этот традиционно взрывоопасный регион добавил к общей картине мира целый ряд кризисов и вооруженных столкновений региональных государств с участием великих держав извне. Военная операция США против Ирана, 12-дневная ирано-израильская война, вовлечение в конфликты Сирии, Ливана, Йемена, сектора Газы, авиаудар Израиля по столице Катара Дохе вносили вклад в беспрецедентную со времен холодной войны турбулентность мира.

Восьмая глава, вопреки сложившемуся формату «Обзора», посвящена событиям того же региона, что и седьмая. Резкая эскалация вооруженного конфликта Израиля и США с Ираном в июне 2025 г. дала повод обратить внимание на восприятие ситуации со стороны Тегерана в контексте его отношений с окружающими странами и негосударственными движениями, отношения к ядерной программе, причин и итогов осуществленных Израилем и США военных операций. Без учета этих моментов нельзя рассчитывать на мирное урегулирование данного конфликта. Результаты израильско-американских авиаударов по ядерной инфраструктуре Ирана оцениваются специалистами по-разному. Однако в мировом экспертном сообществе едва ли можно встретить мнение, что июньская война способствовала укреплению мирового режима нераспространения ядерного оружия — особенно в свете предстоящей в 2026 г. очередной обзорной конференции ДНЯО.

Introduction

The Strategic Review 2025 is the third issue of a new periodical within the framework of a joint project of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) and the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).

This collective work presents an analysis of the main events and processes in the field of international security. Unfortunately, it must be noted that at the time of completion of the third edition of the Review, previous conflicts continued, new crises arose, and the system of strategic stability remained unstable.

For many years, the U.S. ignored Moscow's proposals for a mutual moratorium on the deployment of ground-launched medium-range missiles, put forward after the 1987 Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty) was denounced by the first Trump administration in 2019. Preparations for the deployment of such U.S. systems in Germany and the Philippines, and their temporary placement there under the pretext of exercises, did not take Russia by surprise. Back in November 2024, it conducted a combat test of the latest Oreshnik medium-range ballistic missile in a conventional mode, using it to strike the Ukrainian Yuzhmash missile factory. But in the end, Moscow's patience ran out, and in August 2025, it refused to "maintain a unilateral moratorium on the deployment of similar weapons" and began preparing decisions

“on specific parameters for response measures.”¹ During the joint Russian-Belarusian military exercises *Zapad 2025* in September 2025, the use of non-strategic nuclear weapons was practiced. Preparations are underway to deploy Russian Oreshnik medium-range missiles in Belarus, in addition to the tactical nuclear weapons previously deployed there.

The mutual deployment of medium-range missiles in Europe by Russia and the U.S. will return the world to the situation that existed before 1987, when such weapons with short flight times posed a threat to the USSR of strikes on decision-making centers and instant nuclear escalation of any armed conflict involving the Warsaw Pact and NATO. Now the situation could be much worse, given the new geostrategic realities and the ongoing military conflict in and around Ukraine.

Today, the three main pillars of the arms control system are under threat. First, the extended New START Treaty expires on February 5, 2026. In September, Moscow attempted to preserve the treaty, but the outcome of this initiative depends on Washington’s further course of action and the parties’ agreement on a number of details.

Secondly, there is sentiment within the U.S. and Russia in favor of abandoning the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT). Donald Trump’s unexpected announcement on October 30 about “resuming nuclear testing” could further undermine this treaty.

Thirdly, the collapse of these two central pillars of the arms control system will soon lead to the collapse of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). There is little doubt that the remaining elements of the “dominoes” will fall next: treaties on the non-deployment of weapons of mass destruction in space and on the seabed and ocean floor, nuclear-free zones on many continents, the convention on the physical protection of nuclear materi-

1 Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on the Moratorium on the Deployment of Ground-Launched Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles // Ministry of Foreign Affairs of Russia, 04.08.2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/international_safety/2039749/.

als, and possibly the conventions on the prohibition of chemical and biological weapons.

At the same time, it can be said that the events of 2025 were more dynamic than in the previous year. The policies of the new U.S. administration under President Donald Trump brought about noticeable changes in the international situation. In particular, high-level direct dialogue between the U.S. and Russia resumed. At the same time, Washington's relations with its NATO allies and in the Pacific, as well as with China, India, and other countries, became noticeably more complicated.

Unlike its Democratic predecessors, Trump's second administration attempted to promote a peaceful settlement of the Ukrainian conflict, abandoned the goal of inflicting a "strategic defeat" on Russia, and showed a desire to normalize diplomatic, economic, and political relations with it. Despite the Ukrainian conflict, upon returning to the White House, Trump began to speak out in favor of nuclear disarmament: "We would like to see denuclearization... and I will tell you President Putin really liked the idea of cutting way back on nuclear [weapons]. And I think the rest of the world, we would have gotten them to follow, and China would have come along too."² Later, Trump clarified his position and recalled New START: "We have restrictions, and they have restrictions, as you know, in the nuclear sphere... When you take off nuclear restrictions, it's a big problem."³

Of course, Trump's clumsy improvisations on the nuclear issue and his vacillation from one extreme to another do not inspire optimism. As predicted in the *Strategic Review 2024*, the arrival in the White House of an impulsive president prone to destructive actions temporarily silenced foreign enthusiasts of the game of "nuclear deterrence."

2 President Trump Gives Virtual Remarks to World Economic Forum // The White House, 23.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-trump-gives-virtual-remarks-to-world-economic-forum/>.

3 Tramp: SShA namereny obsuzhdat' s Rossiei perspektivy yadernogo razoruzheniya [Trump: the U.S. Intends to Discuss the Prospects of Nuclear Disarmament with Russia] // TASS, 25.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24613527>.

The new president delivered another surprise in August 2025 when, angered by certain statements made by Russian officials (published in a personal capacity), Trump announced that he had ordered two U.S. nuclear submarines to move to “appropriate regions” in order to counter the “Russian threat.”⁴ The president was probably not informed that at least 6–7 U.S. strategic missile submarines are constantly on combat duty in the ocean (as are some Russian missile submarines). There, they secretly patrol within range of their missiles to their designated targets; they do not need to move anywhere to strike, and they are certainly not allowed to reveal themselves in any way in order to “counter” anyone. Nevertheless, at a meeting with generals at the end of September, Trump proudly recalled his firm order to “send one or two submarines to the shores of Russia”⁵ (so to speak, who’s counting?).

The first chapter of this *Review* analyzes developments related to the main contemporary crisis in international security taking place in and around Ukraine. After driving Ukrainian troops out of the Kursk region, Russia’s advance across the entire front line over the course of the year was slow but steady. The problems of the Ukrainian Armed Forces were exacerbated, the main ones being a shortage of ground forces personnel in key areas and a lack of means of defense against unmanned aerial vehicles (UAVs) and missiles. Both sides carried out massive attacks using drones and other means deep into each other’s territory. In June, Ukraine carried out a large-scale strike on Russian long-range aviation bases in the Russian rear.

Nevertheless, several rounds of negotiations on a peaceful settlement took place between the parties. Exchanges of prisoners and the bodies of dead soldiers became regular and increasingly large-

4 Stewart P., Landay J., Jones R. Trump Orders Nuclear Submarines Moved after Russian “Provocative Statements” // Reuters, 02.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/trump-orders-nuclear-submarines-moved-after-russian-provocative-statements-2025-08-02/>.

5 Snider M. “Two N-words” Video Shows Trump Refer to Racial Slur in Discussing Nuclear Threat // USA Today, 01.10.2025. URL: <https://eu.usatoday.com/story/news/nation/2025/09/30/trump-n-word-nuclear-threat-video/86437657007/>.

scale. However, the initial successes achieved in contacts between the parties this year were very limited.

The year 2025 brought some improvement in the prospects for the resumption of pragmatic dialogue between Russia and the West on security issues. In this regard, the most notable event was the talks between the leaders of Russia and the U.S. in Alaska on August 15. As a result, U.S. officials, who had been actively promoting the idea of a ceasefire as a condition for the start of the peace process in the spring, accepted the concept of immediately beginning negotiations on a comprehensive agreement to resolve the conflict. This moment can be considered a tactical victory for Moscow in its political and diplomatic interaction with the U.S.

President Trump initially believed that the Ukrainian crisis could be easily resolved through political pressure and leverage on both sides. However, the first steps toward restoring U.S.– Russian relations showed Washington the complexity of the Ukrainian issue. The evolution of the administration's position suggests that this fact is beginning to be recognized overseas, which explains the fluctuations in U.S. rhetoric and practical policy, particularly after Trump's speech at the UN on September 23.

On the other hand, these same contacts show that with a change in the ideological paradigm, it is relatively easy to restore the very infrastructure of dialogue, which had been forgotten since the first days of hostilities in 2022, and to begin to develop practical options for a package exchange of concessions to end the military phase of the Ukrainian crisis. In essence, despite the fierce nature of the fighting on the front lines, it is now being waged to secure certain conditions for a peaceful settlement (for example, those put forward by President Putin in June 2024 and mentioned again by him in August 2025). For a while, it seemed that the threat of nuclear escalation of the conflict had receded into the background, but since the end of September, it has risen again, primarily due to the expansion of deep UAV attacks and missile strikes by the opposing sides.

The second chapter of the *Strategic Review 2025* is devoted to European security issues, with the Ukrainian conflict also taking center stage. Trump's return to the White House has reinforced

European countries' doubts about the reliability of the U.S. security guarantees. At the alliance's June 2025 summit, European countries agreed to significantly increase their defense spending and take on a greater burden of supporting Ukraine. However, in addition to the Ukrainian crisis, transatlantic tensions have intensified due to the continuing shift in U.S. foreign and military policy towards the Asia-Pacific (Indo-Pacific in U.S. terminology) region. In 2025, European countries became increasingly convinced of the need to reduce their dependence on the U.S. in the field of defense and security. There was widespread discussion about the "Europeanization" of NATO, the formation of "European strategic autonomy," and the development of Europe's own nuclear deterrent against Russia. Therefore, the European Union (EU) is playing a growing role in stimulating the arms race on the continent, although it does not claim to be creating an alternative collective defense organization to NATO. Against this backdrop, the task of forming a new pan-European security architecture that includes Russia is not seen in European capitals as a promising project in the foreseeable future.

The third chapter examines a topical issue of the year — Trump's announced project for a global multi-layered missile defense system called the Golden Dome. It is noteworthy that Trump has repeatedly described the "Dome" as "an integrated, multi-layered defense system against all types of threats, including UAVs." It is expected that elements of artificial intelligence will be widely integrated into the control system and that a multitude of interceptors will be deployed in orbit.

So far, it seems that, as with Ronald Reagan's Star Wars (SDI) system, budgetary and technical problems will lead to a slowdown and curtailment of the program. Trump's successors will likely modify this initiative or significantly limit it, as has repeatedly happened with the missile defense program over the past decades. Nevertheless, the Golden Dome, as the authors of the Review note, will become a key factor in the U.S.–Russian, U.S.–Chinese, and global strategic landscape in the coming years, determining the direction of military development in a number of countries and the possible agenda for negotiations on strategic and space arms control.

The fourth chapter focuses on another cutting-edge area of technological development that is revolutionizing the nature of warfare: the introduction of artificial intelligence (AI) systems. Even more than other breakthrough technologies, AI has the potential to either strengthen strategic stability or, conversely, undermine it. It is clear that AI technologies cannot be controlled using traditional arms control methods. However, these technologies could become the subject of intergovernmental dialogue to ensure a clearer mutual understanding of the principles and limits of AI implementation in strategic nuclear force control systems, with the aim of preventing the uncontrolled escalation of potential conflicts.

The fifth chapter analyzes security issues in the Asia-Pacific region. There, the clash of plans and ambitions of the United States and China is not combined with their economic interdependence. However, it has been escalating over the past decade, primarily due to Washington's attacking position. A multi-layered confrontation has developed, in which tariff wars and economic and financial sanctions play the main role.

Along with this, in recent years, China has consistently increased the combat strength of its strategic nuclear triad and deployment of medium-range missiles, including dual-use means. This prompted foreign experts to question the Chinese traditional nuclear doctrine, based on the principles of no-first-use and maintaining a minimum sufficient level of nuclear deterrence. In the U.S., it is now widely believed that the PRC plans to achieve at least strategic parity with the United States. This justifies both the new U.S. nuclear deterrence policy, directed simultaneously against China and Russia, and the revival of the global missile defense system program. The confrontation between the U.S. and China in conflict situations around Taiwan, the Korean peninsula, and the South China Sea is latently threatening a military clash of two giants that could quickly escalate to the nuclear level and become global.

The sixth chapter is devoted to the second section of the nuclear confrontation in Asia — relations between India and Pakistan, which simultaneously tested nuclear weapons in 1998. Now Pakistan in its nuclear doctrine emphasizes the first use of nuclear weapons

in the event of an invasion of superior Indian conventional forces, for which it focuses on short-range nuclear weapons. India's nuclear doctrine is based on the concept of no-first-use and focuses on a retaliatory nuclear strike on Pakistan. However, in the light of Pakistan's nuclear doctrine, India allows tactical and medium-range nuclear weapons to be used in response to a nuclear strike against Indian conventional forces not only on its own territory but also on foreign territory.

At the same time, India's nuclear doctrine is aimed at containing by the retaliatory strike potential of the PRC's superior nuclear forces, for which large investments are being made in long-range systems, ground-mobile and sea-based missile systems.

In April–May 2025, there was a relatively large armed conflict between India and Pakistan, involving missile strikes and the use of air force and an Indian aircraft carrier. This conflict is significant because the *de facto* nuclear powers have been engaged in active military actions for about two weeks. Fortunately, they were quickly stopped. But given the complex entanglement of parties' nuclear doctrines and plans to use their conventional and nuclear forces, as well as the unresolved long-standing contradictions, there is no guarantee that next time such a conflict will not cross the "nuclear threshold" and will not entail a catastrophe for South Asia with global consequences.

The seventh chapter of the *Review* examines the events of 2025 in the Middle East. This traditionally volatile region has added to the overall picture of the world a series of crises and armed clashes between regional states involving great powers from outside. The U.S. military operation against Iran, the 12-day Iran–Israel War, the involvement in conflicts of Syria, Lebanon, Yemen, the Gaza Strip, the Israeli airstrike on Qatar's capital Doha contributed to a world turbulence unprecedented since the Cold War.

The eighth chapter, contrary to the established format of the *Review*, is devoted to the events of the same region as the seventh. The sharp escalation of the armed conflict between Israel and the U.S. with Iran in June 2025 prompted attention to Tehran's perception of the situation in the context of its relations with neighboring countries and non-state movements, its attitude to the nuclear program, the reasons and results of military operations carried out by

Israel and the United States. Without taking into account these points, one cannot hope for a peaceful settlement of this conflict. The results of Israeli–American airstrikes on Iran’s nuclear infrastructure are assessed differently by experts. However, in the world expert community one can hardly find the position that the June war contributed to the strengthening of the world non-proliferation regime — especially in the light of the upcoming NPT Review Conference in 2026.

Об авторах

Authors

Богданов Константин Вадимович — кандидат технических наук; заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза Центра международной безопасности (ЦМБ) Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Добрева Евдокия Ивановна — младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Ермаков Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Сектора стратегического анализа и прогноза ЦМБ ИМЭМО РАН.

Загорский Андрей Владимирович — кандидат исторических наук; профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных России (МГИМО МИД России); заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Bogdanov, Konstantin — Candidate of Sciences (Engineering); Head of the Section for Strategic Analysis and Forecasting, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS).

Dobрева, Evdokia — Junior Researcher at Center for Middle East Studies, IMEMO RAS.

Ermakov, Alexander — Junior Researcher at the Section for Strategic Analysis and Forecasting, IMEMO RAS.

Zagorsky, Andrey — Candidate of Sciences (History); Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University; Head of the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Иванов Станислав Михайлович — кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Куприянов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук; руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН.

Никитин Александр Иванович — доктор политических наук; главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Ознобищев Сергей Константинович — кандидат исторических наук; профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России; заведующий Сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Ромашкина Наталия Петровна — кандидат политических наук; старший научный сотрудник Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Стефанович Дмитрий Викторович — научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций Отдела военно-экономических исследований безопасности ЦМБ ИМЭМО РАН.

Сурков Николай Юрьевич — кандидат политических наук; руководитель Группы изучения общих проблем региона Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Ivanov, Stanislav — Candidate of Sciences (History); Lead Researcher at the Section for Non-Proliferation and Arms Limitation of the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Kupriyanov, Alexey — Candidate of Sciences (History); Head of the Center for Indian Ocean Region, IMEMO RAS.

Nikitin, Alexander — Doctor of Sciences (Political Sciences); Principal Researcher at the Institute for International Studies (IIS), MGIMO University; Principal Researcher at the Section of Military-Political Analysis and Research Projects, IMEMO RAS.

Oznobishchev, Sergey — Candidate of Sciences (History); Professor at the Department of International Journalism, MGIMO University; Head of the Section for Military-Political Analysis and Research Projects, IMEMO RAS.

Romashkina, Nataliya — Candidate of Sciences (Political Sciences); Senior Researcher at the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Stefanovich, Dmitry — Researcher at the the Section for Military Economy and Innovations of the Department for Military and Economic Security Research, IMEMO RAS.

Surkov, Nikolay — Candidate of Sciences (Political Sciences); Head of the Group on Common Problems in the Region, Center for Middle-East Studies, IMEMO RAS.

Научное издание

Стратегический обзор 2025

Ответственный редактор

Арбатов Алексей Георгиевич

Редакционная группа проекта

Константин Богданов,

Ольга Гусарова,

Марианна Евтодыева

Перевод

Константин Богданов,

Марианна Евтодыева,

Алексей Куприянов

Дизайнер издания

Яков Красновский

Компьютерная верстка и препресс

Юрий Мосягин

Издательский дом МГИМО

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Подписано в печать 15.01.2026.

Формат 60x90¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23.

Шрифты: FF Nort, ITC Charter

Тираж 300 экз. Заказ № ЧК-02014-26

Отпечатано в АО «Первая Образцовая

типография», филиал «Чеховский

Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Strategic Review 2025

Edited by

Alexei Arbatov

Editorial Group

Konstantin Bogdanov,

Olga Gusarova,

Marianna Yevtodyeva

Translation

Konstantin Bogdanov,

Marianna Yevtodyeva,

Alexei Kupriyanov

Design by

Yakov Krasnovsky

Typeset and Print Proofing

Yuri Mosyagin

MGIMO University Publishing House

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454,

Russian Federation

Format 60x90¹/₁₆. Offset printing.

Offset paper. 23 conventional printed

sheets. Typefaces: FF Nort, ITC Charter

Circulation: 300 copies.

Order No. ЧК-02014-26

Printed in JSC «First Exemplary Printing

House», Chekhov Printing Yard

1 Poligrafistov St., Chekhov, Moscow

Region, 142300, Russian Federation

9 785922 831291